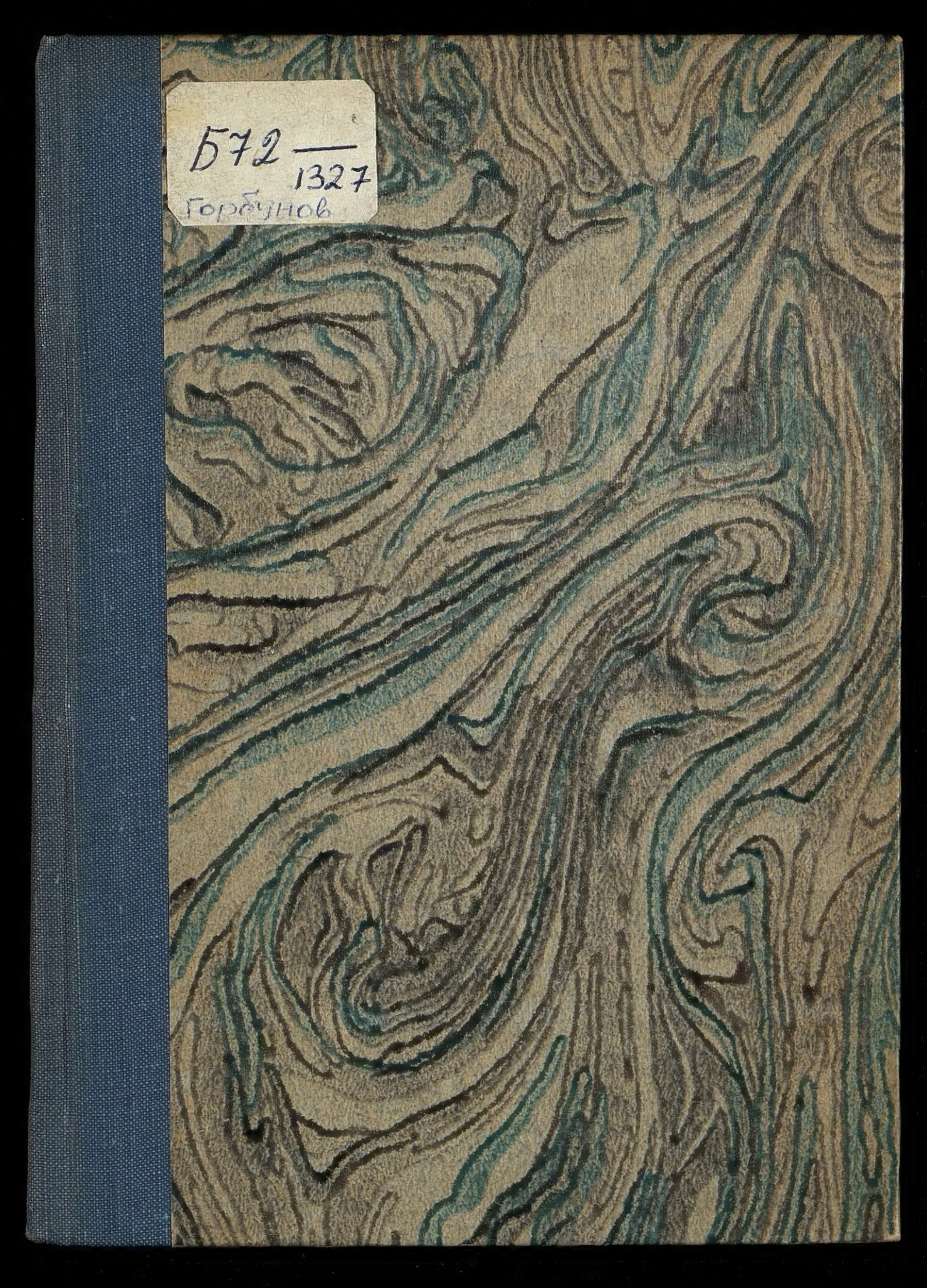
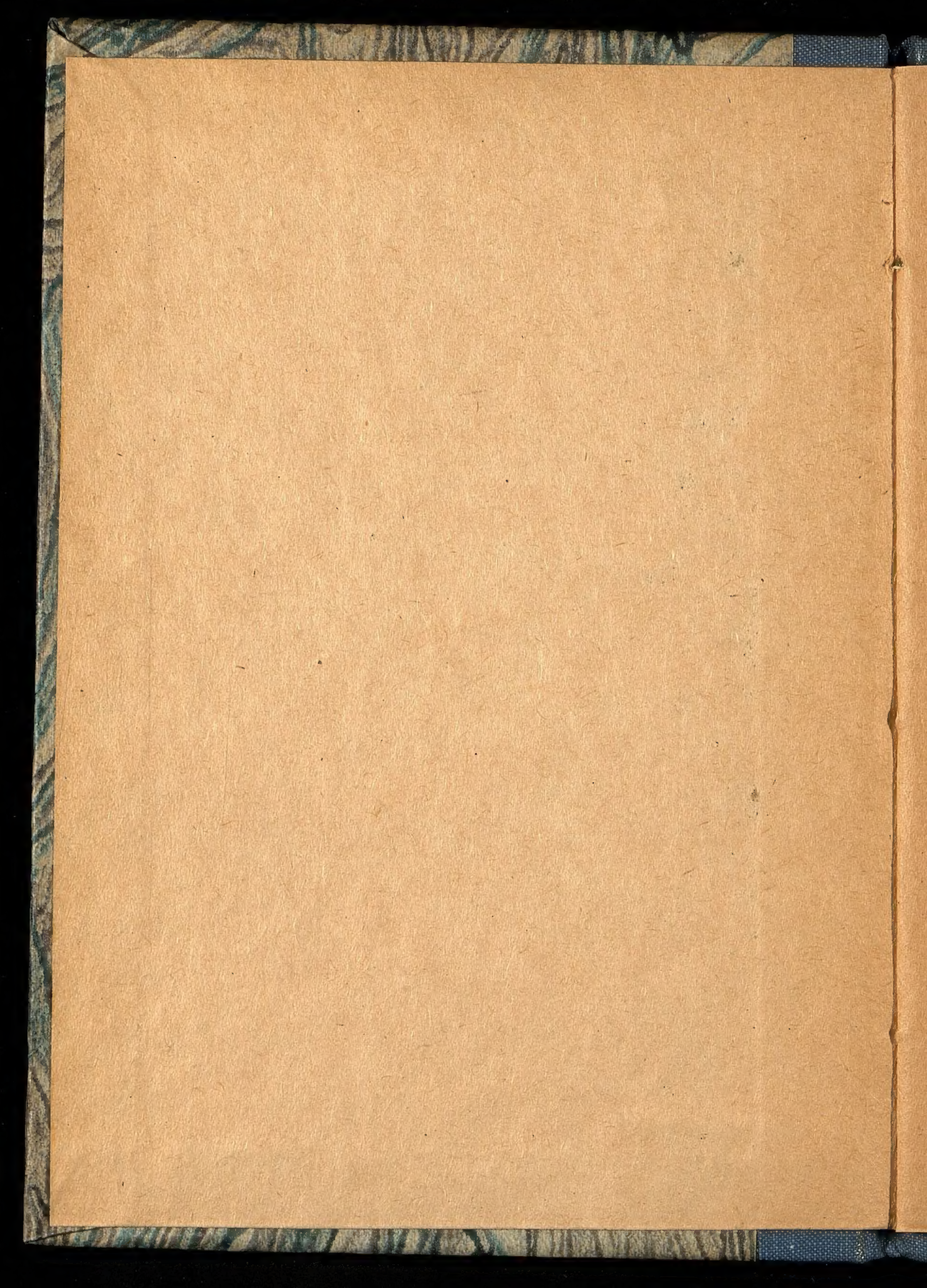
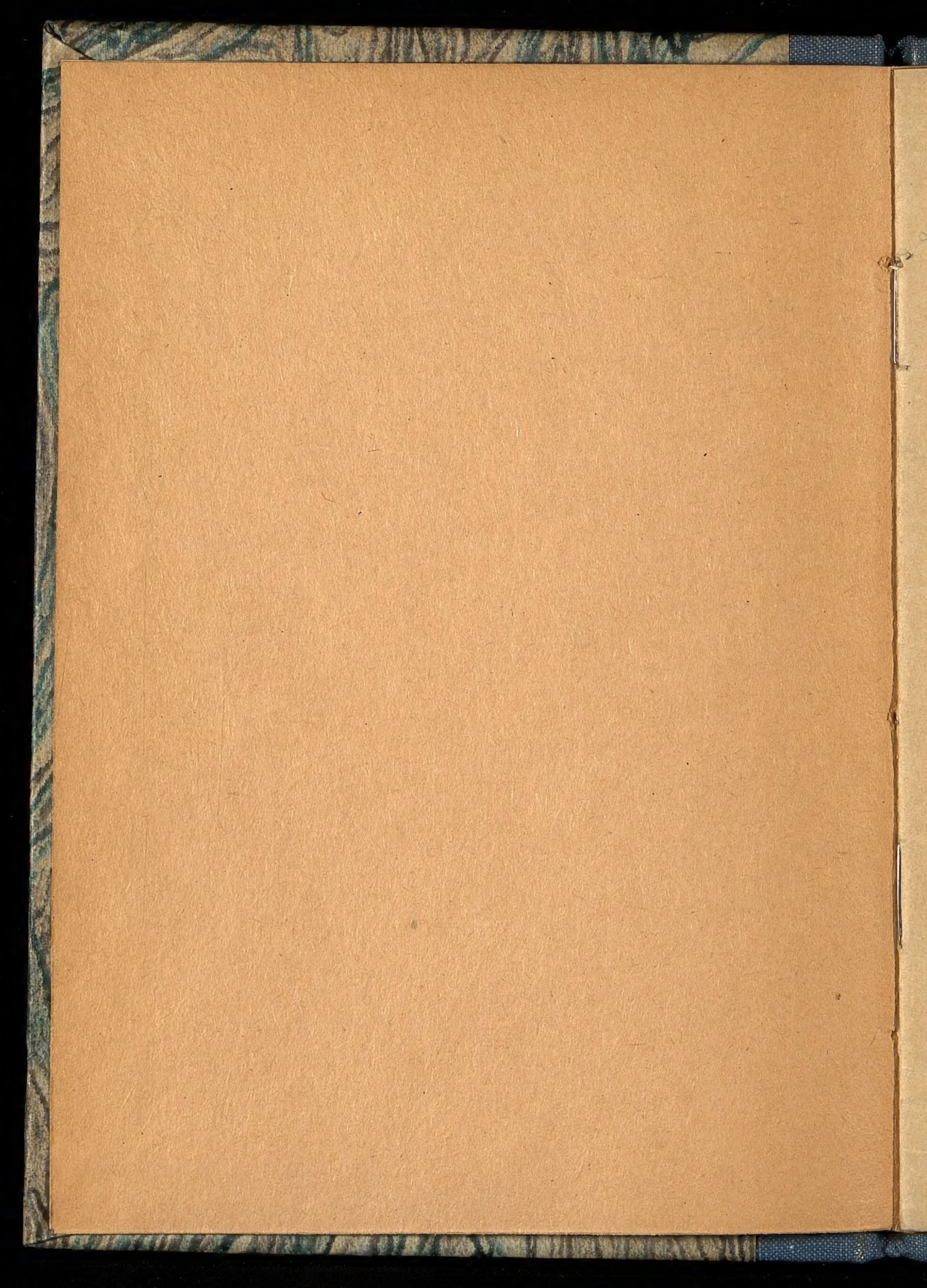

Б72 —
1327
Горбунов

МОСКОВСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
МИД СССР

ГОРБУНОВ Д. И.

ВОПРОС ОБ АГРЕССИВНОЙ ВОЙНЕ НА ТОКИЙСКОМ ПРОЦЕССЕ ГЛАВНЫХ ВОЕННЫХ ПРЕСТУПНИКОВ

МОСКВА—1950

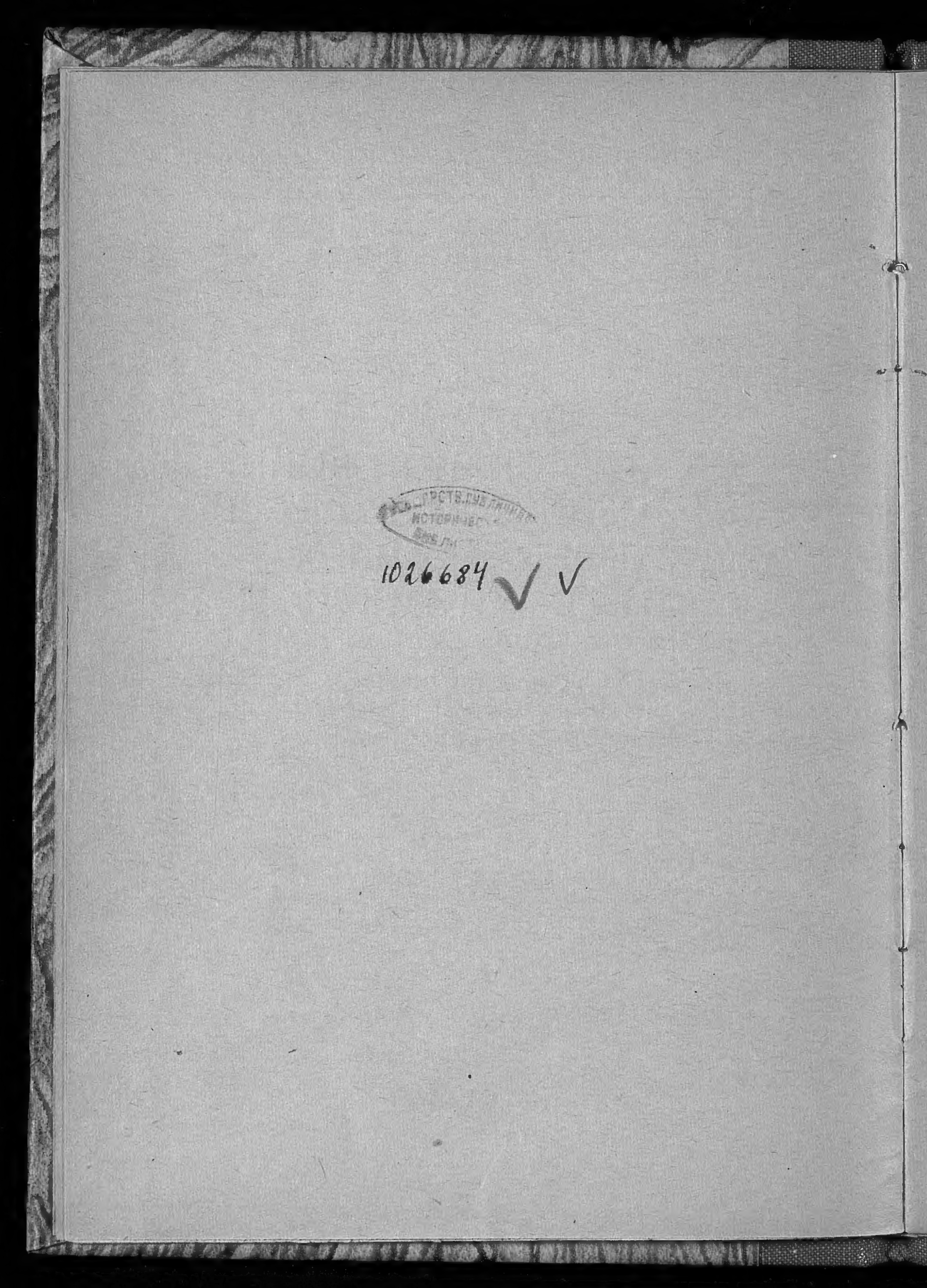
МОСКОВСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
МИД СССР

ГОРБУНОВ Д. И.

ВОПРОС ОБ АГРЕССИВНОЙ ВОЙНЕ НА ТОКИЙСКОМ ПРОЦЕССЕ ГЛАВНЫХ ВОЕННЫХ ПРЕСТУПНИКОВ

Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук

МОСКВА — 1950

«Борьбе против такой (империалистической — Д. Г.) войны стоит посвятить свою жизнь, в этой борьбе надо быть беспощадным, все софизмы в ее защиту надо преследовать до самых последних уголков».

В. И. Ленин.

(Соч. т. XXVII, стр. 359).

1. На прошедших после второй мировой войны процессах над главными военными преступниками фашистской Германии и милитаристской Японии имела место ожесточенная борьба по вопросу о преступности агрессии. Это был основной правовой вопрос, выдвинутый защитой, утверждавшей, что агрессивная война не является преступной с точки зрения международного права.

2. На токийском процессе такой взгляд на агрессивную войну высказывался не только американской и японской защитой, но и крайне правой частью судей, куда входили судьи от Франции, Индии и Голландии. Юридическое оправдание агрессии отражало собой общеполитический, откровенно экспансионистский курс Соединенных Штатов Америки и их сателлитов, стремящихся к установлению мирового господства американского империализма.

3. Оправданием агрессивной войны в прошлом, американцы и их прислужники, прикрываясь своей «юридической объективностью», старались оправдать и ведущуюся США подготовку новой мировой войны, направленной против демократического лагеря мира, во главе которого стоит Советский Союз.

4. Цель и значение настоящей работы заключаются, во-первых, в том, что она показывает роль Советского Союза в борьбе с агрессией и роль советских представителей на процессе в Токио, доказавших и отстоявших нашу точку зрения о преступности агрессивных войн, которые вела Япония против СССР и, во-вторых, в том, что она разоблачает тех, кто стремился доказать «законность» агрессии, а сейчас стремится ревизовать известные положения о преступности агрессии, выполняя тем самым определенный социальный заказ обреченного историей империализма.

5. Современное международное право не считает агрессию правомерным актом, не признает права на агрессию и, сле-

довательно, постановка вопроса в той именно плоскости, как это делали на процессе в Токио, защита и часть судей, являлась нечем иным, как попыткой запутать вопрос о наказании за агрессию, оправдать ее как в прошлом, так и в будущем.

6. При написании работы и исследовании данной темы автор исходил прежде всего из разработанной классиками марксизма-ленинизма теории о справедливых и несправедливых войнах, о неизбежности войн при капитализме, а также о возможности, несмотря на это, мирного сосуществования социалистической и капиталистической систем; автор опирался при этом на международно-правовые акты, которые запрещали агрессивную войну, признавая ее преступной, и которые вошли в международное право, как его основные нормы; автор использовал высказывания русских и иностранных теоретиков международного права, осуждавших обращение к оружию с несправедливой, захватнической целью; наконец, автор использовал многочисленную документацию токийского, а также нюренбергского процессов в части, касающейся вопроса о преступности агрессивной войны.

7. Диссертация, представляемая Ученому Совету института, состоит из вступления, четырех глав и заключения.

8. Вступление знакомит читателя с теорией марксизма-ленинизма о справедливых и несправедливых войнах. Эпоха империализма, говорится здесь, характеризуется тремя типами войн: 1) агрессивными войнами империалистических государств между собой, против социалистических государств, а также против малых и слабых народов за передел мира, за захват рынков сбыта и источников сырья; 2) национально-освободительными или национально-революционными войнами колониальных и полуколониальных стран против империализма; 3) революционно-классовыми войнами пролетариата за победу пролетарской революции и войнами в защиту социалистического отечества.

Классики марксизма-ленинизма не против всякой войны; они против войны империалистической, грабительской, контрреволюционной. Марксизм-ленинизм различает войны справедливые и несправедливые, войны законные и незаконные. Определение справедливой и несправедливой войны, данное товарищем Сталиным и ставшее классическим, мы находим в Кратком курсе истории ВКП(б). «Большевики считали, что война бывает двух родов: а) война **справедливая,** незахватническая, освободительная, имеющая целью либо защиту народа от внешнего нападения и попыток его порабощения,

либо освобождение народа от рабства капитализма, либо, наконец, освобождение колоний и зависимых стран от гнета империалистов, и б) война **несправедливая,** захватническая, имеющая целью захват и порабощение чужих стран, чужих народов» *). Ленин говорил: «Есть война и война. Есть война — авантюра, удовлетворяющая интересы династии, аппетиты грабительской шайки, цели героев капиталистической наживы. Есть война — и это единственная з а к о н н а я война в капиталистическом обществе — против угнетателей и поработителей народа. Только утописты или филистеры могут принципиально осуждать такую войну». **)

Марксисты понимают неизбежную связь войны с борьбой классов. Рассматривая ту или иную конкретную войну, они исходят во-первых, из содержания и исторического значения данной войны и во-вторых, из того, какой именно класс ведет ее, революционный, восходящий, или реакционный, отмирающий. В зависимости от этого война будет законной или незаконной, принесет ли она объективно пользу человечеству или нет. Справедлива и потому **законна** была война, которую вел советский народ против немецкого фашизма и японского милитаризма, ибо эта война имела своей целью: а) освободить нашу территорию и наши народы от захватчиков; б) освободить порабощенные народы Европы и Азии; в) помочь этим народам в их освободительной борьбе и государственном становлении без какого бы то ни было вмешательства в их внутреннюю жизнь; г) уничтожить преступный «порядок» и преступные милитаристские клики в агрессивных государствах и наказать преступников, развязавших агрессивную войну. Несправедлива и потому н е з а к о н н а была война, которую навязали нам гитлеровская Германия и милитаристская Япония, ибо эта война с их стороны имела целью: а) захват чужой территории; б) покорение чужих народов; в) навязывание своей воли и своего режима порабощенному народу; г) истребление порабощенного народа; д) уничтожение его государства и государственности. Агрессивная война, как война незаконная, есть, следовательно, такая война, которая направлена на подрыв или уничтожение суверенного существования государства, на захват его территории, на искоренение или уничтожение народа этого государства и навязыва-

*) История Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков). Краткий курс. М. — 1938. стр. 161.

**) Ленин В. И. Соч. изд. II, т. XXX, стр. 149. «Из статьи «Революционная армия и революционное правительство».

ние ему режима, выгодного и угодного господствующему эксплоататорскому классу государства — агрессора.

9. Первая глава посвящена вопросу о справедливой и несправедливой войнах в доктрине международного права. В ней автор рассматривает мнения о войне юристов средних веков, юристов и политических деятелей эпохи французской буржуазной революции 1789—1794 годов, а также теоретиков буржуазной «классической» доктрины международного права XVIII—XIX веков. Эта глава анализирует также высказывания мелкобуржуазного юриста (Прудон) о «праве войны» и дает критику этим высказываниям. Здесь же автор приводит высказывания русских международников по вопросам справедливой и несправедливой войны.

Юристы средних веков делили войны на справедливые и несправедливые, рассматривая последние, как разбой, и считая первые разновидностью юридического акта. Развернутую систему такого деления дал Гуго Гроций в своей книге «О праве войны и мира» (1625), считавший, что следует вести только справедливые войны и что здравый разум и природа общества воспрещают применение насилия, несовместимого с естественным правом народов.

Французская буржуазная революция, разрушившая феодальные отношения, принесла с собой новый тип государства и права, выражающие волю нового класса — класса буржуазии. Мысль о законности справедливой войны была поднята этим классом на щит буржуазной «справедливости», ибо, получив власть, но не держа еще ее крепко, буржуазия должна была оградить себя от напора сильных феодальных империй. Разграничение войн на оборонительные и агрессивные, признание законности только оборонительной войны нашло свое закрепление в государственных актах того времени. Декларация прав народов (18 мая 1790) заявляла, что всякая война, предпринятая в иных целях, чем защита справедливого права, является насильственным, противоправным актом, угрожающим свободе и безопасности всех. Проект Декларации международного права, внесенный в Конвент в 1795 г., осуждал вмешательство во внутренние дела других государств и провозглашал право предпринимать войны для защиты своего суверенитета, свободы и независимости.

Первым в ряду теоретиков международного права необходимо упомянуть наиболее яркого представителя школы естественного права Эмерика Ваттеля, за ним — представителей школы положительного (позитивного) права — Георга Фридриха Мартенса, затем Клюбера, Хефтера, Блюнчли и Кальво.

Выбор именно этих писателей не случаен. В документации токийского трибунала они фигурировали как непогрешимые авторитеты международного права, на них ссылались, их цитировали, на их высказываниях обосновывали свои рассуждения судьи трибунала. Несмотря на свою буржуазную ограниченность, эти авторы считали войну крайним средством разрешения споров, все они в той или иной степени признавали деление войн на справедливые и несправедливые и отрицали законность несправедливой (агрессивной) войны.

Русские международники осуждали несправедливые войны и утверждали законность войн справедливых. В работе разобраны взгляды на войну Малиновского, Каченовского, Стоянова, Камаровского, Мартенса, Коркунова, Грабаря. Несмотря на ряд ошибочных взглядов, всех их объединяет идея борьбы за мир, борьбы с несправедливыми войнами. Война есть зло, которому сопутствуют ужас, скорбь, бедность и смерть — писал Малиновский. «Государства должны сложить оружие, объявить войну беззаконным делом и заключить неразрывный союз между собой» — писал Каченовский в своем курсе международного права. Война для войны, как цель, осуждалась Стояновым; он допускал ее как средство к защите права и упрочению мира. Камаровский говорил, правда, в очень смутной и общей форме, что с устранением общественно-экономических причин войны, последняя исчезнет из международной жизни.

10. Вторая глава рассматривает международно-правовые акты, запрещающие агрессивную войну и ставящие ее вне закона. В ней говорится, что принципиальное разграничение оборонительных и агрессивных войн так глубоко укоренилось в общественном сознании народов, что оно не могло не оказать влияния на политику государств, на их договорную практику. Автор при этом имеет в виду, что акты, заключавшиеся в системе капиталистических государств, по существу не могли и не могут уничтожить агрессивные войны в силу того, что война присуща этой системе государств.

Из документов, формально осуждавших агрессивную войну и поставивших ее вне закона, разобраны: Версальский Мирный договор 1919 г., Устав Лиги Наций, проект договора о взаимопомощи, выработанный Лигой Наций в 1923 году, Протокол о мирном разрешении международных споров от 2 октября 1924 года (Женевский протокол), Декларация об агрессивных войнах от 24 октября 1927 года. Кроме этих актов, выработанных большей частью в системе Лиги Наций до Пакта Бриана-Келлога, автор разобрал еще группу догово-

ров, выработанных в системе так называемого Панамериканского Союза, государства-члены которого, в борьбе с агрессией США, много раз высказывались за непризнание агрессивных войн, захватов территории и власти.

Из рассмотрения перечисленных выше актов делается вывод, что период между первой и второй мировыми войнами, когда был преодолен эмпиризм гаагских конвенций, дает пример единодушия н а р о д о в мира в вопросе осуждения агрессивных войн. После первой мировой войны нации мира решительно осудили, объявили вне закона и преступной агрессивную войну. Этим они сделали еще один шаг вперед в деле развития международного права. Незаконность агрессивной войны является современным понятием международного права, происходящим, главным образом, из международно-правовых актов, заключенных как между группами государств, так и между государствами всего мира в целом, за очень незначительным исключением. Акты, разобранные в этой главе, с несомненностью показывают характер постановки вопроса о войне в период между двумя мировыми войнами. Следует отметить, что в этих актах отсутствуют еще указания на конкретную ответственность за определенные преступные деяния, но это не значит, что агрессивная война допускалась ими, как законная война.

11. Учитывая особое значение Пакта Бриана-Келлога, автор счел возможным выделить его из международно-правовых актов, рассматривающих вопрос об агрессивной войне, в отдельную, третью, главу, которая дает анализ этого пакта и показывает отношение к нему со стороны Советского Союза. Здесь разобраны также Московский протокол от 9 февраля 1929 г., Конвенции об определении агрессии от 3—5 июля 1933 года и акты, заключенные СССР с рядом государств, где упоминался пакт.

Парижский Пакт является основным документом в системе актов, запрещавших обращение к войне как орудию национальной политики. Первоначальные участники Пакта рассчитывали направить его острие против нашей страны, но Советский Союз сорвал планы англо-американских и французских империалистов, и Пакт, после присоединения к нему СССР, стал бесспорно орудием в борьбе за мир.

Понятие агрессии по Парижскому Пакту рассматривается в двух аспектах: с точки зрения политического понятия агрессии (запрещение обращения к оружию при проведении национальной политики) и с точки зрения юридического понятия агрессии (квалификация нарушения Пакта как акт агрессии

со всеми вытекающими из этого последствиями; требование разрешения всех конфликтов мирным путем). Пакт, как международно-правовое соглашение, породившее и закрепившее известные правоотношения, был и остается юридически обязательным документом для стран, его подписавших или к нему присоединившихся. Значение пакта не уменьшается от того, что в нем нет термина «преступный» или «преступление» или что нет в нем специальных указаний на санкции за нарушение установленных им обязательств, кроме лишения выгод, вытекающих из самого Пакта. Пакт запрещает не всякую войну; он запрещает только агрессивную войну, названную в нем войной для разрешения вопросов национальной политики; война оборонительная не является нарушением Пакта и не может квалифицироваться, как война преступная, подрывающая основы международного общения.

Присоединившись к Пакту, Советский Союз считал, что должна быть запрещена не только война в формально-юридическом смысле этого слова, но и такие действия, как интервенция, блокада, оккупация. Исходя из постоянного стремления обеспечить мир и не упуская ни одного случая проведения своей мирной политики, Советский Союз предложил соседним с ним странам досрочно ввести в действие Пакт Бриана-Келлога. Это было оформлено Московским протоколом, подписанным 9 февраля 1929 г. представителями СССР, Польши, Эстонии, Латвии и Румынии. Впоследствии к нему присоединились Турция, Персия, Литва и Данциг. Парижский Пакт об отказе от войны стал актом юридически обязательным для участников Московского протокола.

Трезво учитывая недостатки Пакта, СССР стремился восполнить его положения путем заключения двусторонних соглашений. В силу этого, в 30-х годах были заключены соглашения о ненападении и мирном улаживании конфликтов с Финляндией, Латвией, Эстонией, Польшей и Францией, где стороны подтверждали, дополняли и уточняли свои обязательства по Пакту Келлога. В этих соглашениях дается первое, весьма сжатое, понятие нападения. Более развернутое понятие нападения, вызванное практической борьбой за мир, борьбой против агрессии, мы находим в Конвенциях об определении агрессии от 3—5 июля 1933 года. По смыслу конвенций агрессией считался акт, сопряженный с вторжением, нападением вооруженных сил одного государства на территорию, вооруженные силы или морское побережье и порты другого государства независимо от того, сопровождались ли эти действия объявлением войны или нет; конвенции осуждали

объявление войны, а также поддержку, помощь и покровительство вооруженным бандам, ведущим подрывную деятельность на территории одного государства против другого государства.

12. Центральной главой работы является глава четвертая, которая подробно излагает вопрос о преступности агрессивной войны, как он рассматривался на процессе в Токио. Прежде всего, в этой главе дается краткая история создания Трибунала. Отмечается неодинаковое отношение наших союзников во второй мировой войне к вопросам наказания конкретных виновников войны. В частности здесь говорится, что США неодинаково относились к преступникам из числа политических и военных деятелей и из числа промышленно-финансовых деятелей милитаристской Японии. Привлекая к суду лиц первой группы, правительство Соединенных Штатов Америки заботились не о наказании их за развязанную войну, а о временном устранении этих лиц с политической и военной арены, как врагов экспансионистской политики, рассчитанной на превращение Японии в плацдарм для нападения на Советский Союз. Что же касается промышленников и финансистов, то правительство Соединенных Штатов Америки, рассчитывая использовать их в будущем, не имело никакого намерения предавать их суду; США не имели в виду наказывать преступников и из числа военных и политических деятелей, но под давлением прогрессивного общественного мнения, с которым в то время нельзя было не считаться, были вынуждены пожертвовать теми из них, отстоять которых не представлялось возможным и которых можно было наказать без ущерба для собственной империалистической политики.

В работе дан анализ Устава Трибунала, обвинительного заключения и приговора, а также ряда документов, фигурировавших в Трибунале. Все документы рассматриваются с точки зрения вопроса о преступности агрессии в международном праве.

С первых же дней процесса началась борьба вокруг положений Устава о преступности агрессии. Стремление доказать, что агрессивная война не является преступной, шло по двум направлениям. Первое, косвенное, заключалось в том, что отрицалось право союзных держав учреждать Трибунал и на основе его Устава судить японских преступников. Это отрицание не имеет оснований. В действительности издание Устава и создание Трибунала основывалось на праве союзных держав учреждать военные трибуналы на оккупированной ими территории и на решениях Потсдамской конференции (июль

1945 г.) и Московского Совещания Совета Министров Иностранных Дел (декабрь 1945 г.), а также на Акте о капитуляции Японии от 2 сентября 1945 г. и других документах, провозглашавших и подтверждавших решения союзников предать суду и наказать виновников развязывания второй мировой войны. Второе, прямое, направление заключалось в открытом отрицании преступности агрессии. Это второе направление было основным. Здесь против Устава и его положений выступали не только защита, но и часть судей. Устав Трибунала считал преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности подсудными Трибуналу. Об этом говорила статья 5 Устава. Подавляющее число судей считало агрессивную войну преступной, а положения этой статьи вполне соответствующими положениям международного права, осуждавшим агрессию. С серьезными и обоснованными доводами по вопросам юрисдикции неоднократно выступали в Трибунале советские представители, считавшие, что агрессивный характер войны Японии и преступность агрессии являлись исходными предпосылками самого процесса.

В связи со статьей пятой Устава, автор подробно излагает вопрос о стадиях осуществления агрессивной войны, а именно: планирование агрессивной войны, подготовка к ней и развязывание или ведение ее. Следует отметить, что приговор Трибунала искусственно и потому неосновательно объединил вопрос об ответственности за планирование, подготовку, развязывание и ведение войны и вменил в вину подсудимым только ведение агрессивной войны, считая, что стадии осуществления агрессивной войны поглощаются ведением ее. Разбирается также вопрос о заговоре в целях осуществления любого из упомянутых действий.

Планирование агрессивной войны выражалось в Японии в разработке мероприятий экономического, политического и военного характера и шло по двум, в основном, направлениям: а) планирование военных мероприятий, т. е. планирование самой агрессивной войны и б) планирование экономических и политических мероприятий.

Подготовка к агрессивной войне проводилась по четырем основным направлениям: подготовка идеологическая, подготовка экономическая, подготовка военная и подготовка внешне-политическая, или дипломатическая. Первая велась в Японии под дымовой завесой демагогических лозунгов создания «великой восточно-азиатской сферы сопроцветания» и «японского нового порядка», которые проповедовали милитаризм и агрессию. Пропаганда милитаризма и агрессии являлась опре-

деленной продуманной политикой правительства и военной клики. Особенность этой политики заключалась в том, что здесь использовался государственный аппарат, организованный и подчиненный задаче подготовки и ведения агрессивной войны. Целый народ изо дня в день воспитывался в духе агрессии, а агрессия становилась открыто программой милитаристского государства. Такая политика сама по себе являлась преступной. Вторая, подчиняя себе все отрасли промышленности и хозяйства страны, а также ее финансы, была направлена на поддержку милитаристских стремлений преступной японской клики. Третья, т. е. военная, подготовка была направлена на ведение агрессивной войны, ей было подчинено все, начиная от военизации школ и кончая военным строительством в Японии и оккупированных ею территориях. Внешне-политическая, или дипломатическая подготовка выражалась в определенных действиях, направленных на организацию и сколачивание союзов агрессивных государств главным образом против СССР. Это выразилось в создании так называемого антикоминтерновского пакта и пакта трех держав. Первый с самого начала был рассчитан на борьбу с Советским Союзом; второй явился окончательным оформлением военного союза государств-агрессоров против демократических государств и прежде всего против СССР. Дипломатическая подготовка не ограничивалась сколачиванием блоков. Чтобы не связывать себе руки и быть формально свободной от международных договорных обязательств, Япония дважды отказывалась от заключения пакта о ненападении с СССР, демонстративно вышла из Лиги Наций, открыто взяв таким образом курс на развязывание войны на Востоке.

Развязывание, или ведение агрессивной войны характеризовались такими моментами, как внезапность нападения, подрывная деятельность на территории противника, организация всевозможных «инцидентов» на границах, ведение войн малого масштаба, политическая и экономическая агрессия и т. д. Все эти моменты иллюстрированы в работе примерами, связанными с Россией и Советским Союзом.

В работе разбирается также вопрос о заговоре. В отношении международных преступлений понятие заговора приобретает иной характер, чем в национальном праве. Юридическая природа заговора в международном праве отлична от юридической природы заговора шайки воров или грабителей в национальном законодательстве. Общественная опасность заговора международных преступников так велика, что их сговор рассматривается, как заговор особого рода. Это —

сговор преступников, пользующихся полнотой власти в стране, пользующихся государственным аппаратом, армией, финансами, экономикой страны в своих преступных целях. Устав Трибунала в полной мере учитывал особенности такого заговора, считая его преступным. Надо отметить, что в отношении заговора не все судьи были едины. Индусский судья отрицал преступность заговора, сомневался в преступности австралийский представитель в суде — Уэбб. Борьба среди судей вокруг вопроса о преступности заговора не прекращалась до самого окончания процесса. Если прямое отрицание преступности заговора не получило поддержки большинства судей, то оправдание заговора стали искать, прибегая к самым казуистическим формам. Так, тот же самый Уэбб считал не преступным заговор о ведении агрессивной войны, за которым война не последовала. Французский судья Бернар стоял на такой же точке зрения. Не трудно понять, к чему это клонилось. Ставить вопрос о преступности заговора так, как это делал Уэбб, означало оправдать планирование и подготовку агрессивной войны Японии против СССР в период времени с 1941—1945 г.г., ибо формально Япония не нападала на СССР, и состояние войны между ними было объявлено Советским Союзом. Представитель СССР в Трибунале дал решительный отпор таким заявлениям судей. Заговор был признан преступным во всех его формах.

Обвинительное заключение, представляющее собой основной документ следственного органа, делит преступления, инкриминируемые обвиняемым, на три группы: преступления против мира, преступления против человечности и преступления против законов и обычаев ведения войны. Планирование, подготовка и развязывание агрессивной войны рассматривались обвинительным заключением, как преступление, а обвиняемые—ответственными за их проведение в жизнь. Наступление защиты на обвинительное заключение шло по трем главным направлениям: 1) защита утверждала, что преступления против мира и преступления против человечности согласно международному праву не являлись преступлениями в момент их совершения; 2) защита утверждала, что если эти поступки и совершались обвиняемыми, то они совершались ими во исполнение их обязанностей как государственных служащих и что за эти поступки не может быть индивидуальной ответственности согласно международному праву; 3) защита настаивала на исключении из обвинительного заключения обвинений в убийстве на том, якобы, основании, что убийство на войне, в той мере, в какой оно не нарушает законов и обы-

чаев ведения войны, представляло легальный акт, независимо от того, объявлена ли война или нет, является ли она агрессивной или оборонительной. Утверждения защиты не были аргументированы, ибо не было сколько-нибудь веских доказательств этих утверждений. Представители Советского Союза приняли активное участие в разоблачении истинного смысла заявлений защиты, тем более, что среди состава судей были судьи, которые стояли на пути поддержки требований защиты. Вопрос об агрессивной войне был центральным вопросом всего обвинительного заключения. Основной его тезис — преступность агрессии — проходит через все обвинительное заключение. Представители Советского обвинения не мало приложили усилий, чтобы провести его в жизнь.

Борьба вокруг вопроса о преступности агрессии продолжалась, повидимому, и в совещательной комнате при обсуждении приговора, если исходить из того, что не все судьи одинаково смотрели как на сам процесс, так и на основное обвинение, инкриминируемое подсудимым, т. е. на развязывание агрессивной войны. Что касается приговора, то он определенно высказался в том смысле, что, агрессивная война во все годы, имеющие отношение к данному делу, была юридически преступлением. Этот тезис доказывается приговором со всей очевидностью и обоснованностью. Несомненным достоинством приговора является безоговорочное признание агрессии Японии против СССР. В этом — большая заслуга советских представителей в Трибунале, сумевших добиться включения в приговор основных положений о преступности агрессивной войны.

13. В заключение автор говорит о том, что в период проведения процесса уже заметно чувствовался отход наших союзников во второй мировой войне от согласованных решений, принятых во время войны. Но этот отход все же не помешал сотрудничеству в деле преследования агрессоров, что привело к согласованному решению о наказании их. К сожалению, следует отметить, что такого, даже слабого, единства сейчас нет. Наши союзники во второй мировой войне взяли курс на третью мировую войну против СССР — страны, которая освободила народы Европы и Азии от фашизма и агрессии.

Л 94927 Подписано к печати 12/VI 1950 г. Объем 1 п. л.
Формат бумаги 60 x 84 1/16 Заказ 974 Тираж 100

Типография МИД СССР

БЕСПЛАТНО

